жечки, помаленьку. Молись за него. Я тоже буду молиться. На всё воля Божья.

Трое суток Григорий пролежал в полуобморочном состоянии. Приходила баба Маруся. Дуся выполняла все её наставления. Массировала и натирала закаменевшее тело, распрямляя суставы. На четвёртые сутки Григорий очнулся и сильно застонал. Срочно позвали бабку Марусю. Она пришла, посмотрела, и впервые на её изрезанном глубокими морщинами лице появилась улыбка.

— Это он своё больное тело почувствовал. Значит, жить будет. Кормить его можно начинать. За один раз не больше ложки свежего куриного бульона.

— А другую еду?

— Другую пока нельзя.

Приходил начальник участка. Сказал, что Григория представили к награждению орденом. Василия так и не нашли. В тайге след потерялся. Кадровика арестовали за упущения в кадровой работе, оперативника НКВД — за утрату бдительности. Бригада провела собрание и единогласно решила ставить Григорию в табеле рабочие часы и считать его бригадиром. Временное руководство взял его лучший друг Прокопенко.

Приходил фельдшер. Сказал, что поступок Григория находится за пределами человеческих возможностей. Круглая сталь диаметром 26 миллиметров согнулась, а человек выдержал. Сейчас госпитализация не обязательна, если домашнее лечение даёт эффект. Больничный лист он оформил и, если понадобится, сделает необходимые документы.

Потянулись долгие месяцы постельного режима. Поначалу Григорий не мог даже самостоятельно перевернуться. Но куриный бульон и заботливые руки жены делали чудеса. Суставы уже гнулись, но грыжи зарастали медленно. Баба Маруся заправляла их на место, но при небольшом напряжении они появлялись снова. Особенно тяжело давалась постановка на место желудка. Его сорвало и сильно опустило вниз. Но руками и молитвой бабы Маруси он стал медленно перемещаться на своё место. Полностью эту работу выполнить не удалось, но Григорий стал самостоятельно переворачиваться. К зимним холодам он уже мог сидеть. Сидя чистил картошку, подкидывал в печку поленья.

Весна выдалась ранняя. Григорий уже вставал на ноги, но быстро садился назад на кровать. Заканчивалась первая декада мая. Приближалось время обеда. Григорий ждал свою Дусю. Дети жили в школе-интернате на прииске «Майском», домой приезжали только на выходные дни, и то не всегда. Вдруг на улице, около радиовышки, послышались громкие крики и выстрелы охотничьих ружей. Григорий поднялся и осторожными, шаркающими шажками вышел на крыльцо.

До него доносились крики: «Победа! Войне конец!»

«Значит, наш каторжный труд не был напрасным!» — подумал Григорий, и из его глаз потекли слёзы. Увидев его на крыльце, Дуся сначала ойкнула, а потом строго сказала:

— Пошли в хату, застудишься!

Молодой организм быстро шёл на поправку.

15 марта 1946 года у Григория и Дуси родилась доченька Танюшка, ставшая моей верной и любимой женой. Тесть и тёща прожили ещё долго, достигнув каждый возраста за восемьдесят лет. Уже на пенсии держали подсобное хозяйство и продолжали трудиться на земле. В память об их любви, мужестве и героизме написан этот рассказ.

Александр Саужин

Александр Александрович Саужин — член творческого объединения МБУК МЦБ Мазановского района (с. Путятино). Победитель II областного литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье» (2017).

Рассказ-быль

«Прости, мама!»

Каждый год 26 сентября бабушка Мария, Мария Яковлевна, накрывала в палисаднике скромный столик, на который ставилась чёрно-белая, пожелтевшая от времени фотокарточка в деревянной, не по размеру фотографии, рамке, некогда покрашенной в тёмно-коричневый цвет. Рамка, чтобы не упала на стол, была прислонена к горшочку с пахучей геранью. Рядышком, на фарфоровом блюдечке, крепилась на оплавленном воске свеча.

В этот день ребятишкам не хотелось шалить и резвиться. А взрослые — родственники и соседи — заходили к Марии Яковлевне с очень серьёзными лицами, слегка «при параде». Му-

жики чаще, чем обычно, дымили сигаретами и самокрутками, женщины же, низко повязав на лоб строго тёмного цвета платочки, сморкаясь и всхлипывая, вытирали влажные от слёз глаза.

Затем все садились за стол, наливали недорогое вино, плодово-ягодное, местного разлива, и выпивали за упокой и вечную память человека, ради которого был накрыт этот скромный поминальный стол.

Это повторялось ежегодно, пока не стало Марии Яковлевны. Она умерла в 1982 году — на восемьдесят втором году своей жизни.

В октябре 1943 года она, Мария, получила с фронта похоронку. Даже не похоронку, а солдатский «треугольник». На простом тетрадном листке, на скорую руку, это чувствовалось по почерку, было написано:

«Ваш сын, старший сержант Степан Николаевич… погиб смертью храбрых 26 сентября 1943 года в боях при форсировании реки Днепр. Не знаю, дойдёт ли письмо до вас, сейчас здесь жуткая мясорубка. Скажу одно — вы можете гордиться вашим сыном, который отдал свою жизнь за нашу Советскую Родину. С низким поклоном, старшина роты Фёдор Митрофанович Зотов. 26 сентября 1943 г.».

Жил и работал Степан в селе Козловка Мазановского района Амурской области. В семье он из детей был старший — родился в 1923 году. Потом, в 1929-м, появились братья-двойняшки Шура и Тима, в 1932-м — Коля, а в 1936-м — самый младшенький, Борис.

Их мама, Мария Яковлевна, как могла поднимала и растила ребятишек сама. Её муж Николай, по национальности чистокровный китаец, очень душевный и очень работящий человек, в 1940 году трагически погиб от поражения шаровой молнией. Он работал на заготовке дров для пароходов Верхнеамурского пароходства. Таёжная деляна, где велась заготовка дров, находилась к северо-востоку от Козловки, на Малом Гирбичке. В ту трагическую ночь шаровая молния унесла жизнь ещё одного человека. На заимке находилась тринадцатилетняя девочка. Николай спал возле печки в помещении, а девочка — на чердаке. Утром люди, вернувшиеся на заимку, обнаружили полуобугленные тела Николая и девочки Лизы.

Основная ответственность за семью легла на плечи старшего сына Степана, который тоже работал на заготовке дров для пароходства. Мария — она была инвалидом с рождения, сильно хромала на левую ногу — не чуралась никакой работы. Эта неграмотная, очень работящая, чистоплотная, всеми уважаемая женщина брала на дом стирку, обрабатывала частные огороды, кухарничала, если кто-то попросит, шила на заказ руками нехитрые рубашонки, платьишки детям — и при этом умудрялась отработать положенные часы в колхозе.

Мария была красивой хохлушкой, природной украинкой. Дети, смуглые метисы, рождённые от отца-китайца, росли крепкими, шустрыми, красивыми. Чтобы не пропасть с голоду, добывали пропитание всеми способами: ловили на полях сусликов, которых было больше чем достаточно, в лежащих вокруг деревни озерцах — ротанов, гольянов, карасей, собирали ягоду, орехи, грибы. Летом можно было жить. А вот зимой приходилось труднее.

В 1942 году, когда Степан очередной раз вернулся с таёжной деляны в деревню, ему вручили повестку в Красную Армию. Пришёл и его черед бить фашистов и защищать нашу Родину.

Утром следующего дня Степана и ещё двух призывников увозила в райцентр на призывной пункт скрипучая телега, которую по пыльной дороге тянула старая колхозная кляча, уставшая от долгой серой жизни, недоедания и уже непосильной работы. Через месяц Степан передал с оказией весточку, что находится в Шимановске, где проходит курс молодого бойца в сформированном из новобранцев полку. Обучали их по ускоренной программе, времени на отдых не было. Степан сообщал, что попал в учебное подразделение, где готовили командиров отделений, специалистов по уничтожению броневой техники противника. Сейчас он осваивает легендарное ПТР — противотанковое ружьё.

Из Мазановского района многие проходили службу в Шимановсе, поэтому родственники и знакомые по возможности навещали воинскую часть, худо-бедно связь с малой родиной поддерживалась. Вскоре Мария получила второе письмо от Степана: мол, жив-здоров, настроение бодрое, скоро на фронт! Очень скучает по маме и братишкам, по родным местам. А в конце написал:

«Мама! Я знаю, как вам всем тяжело, но если можно, передай с кем-нибудь, если получится, кисет с махоркой. И семечек тыквенных насуши. А то ребята получают посылочки, всех угощают, а мне совестно как-то. Я не могу ответить взаимностью. Если не сможешь, я пойму. Прости, мама! Привет братишкам и односельчанам! Ваш Степан».

Вот с такой просьбой сын к ней обратился.

А у них в доме сегодня обедали картошкой с огурцами. Вместо хлеба была затируха — чёрная мука с отрубями, которая засыпалась в кастрюльку, где «веселился» голый кипяток, и помешивалась ложкой. Этот клейстер, который в доброе время даже в рот не полез бы, казался объеденьем. Но и его не хватало, чтобы хоть ненадолго обмануть вечно скрипучие от голода желудки.

Четверо сынишек стояли рядком, и их голодные взгляды больно резали и без того изношенное от физических и душевных перегрузок женское сердце.

Матери было всех одинаково жаль. Но сейчас нужно чуточку больше внимания уделить старшему — Степану. Он защитник Родины! Что с ним будет завтра? Эти мысли выбили из колеи Марию, и она долго сидела на скамейке, перебирая все возможные варианты. Из чего собрать сыночку посылочку?

У них жила курица-несушка. Одна-единственная. С местными петухами она водила знакомство, но предпочитала жить самостоятельно. Летом кормилась сама. Подножного корма хватало на то, чтобы подкормить себя и, поднатужившись, снести яйцо. Каждый день по яйцу. В то время это считалось большим шиком для голодающих семей. Взбив пару яиц, взболтав их молочным перегоном, можно было, всё это вылив на раскалённую сковородку, получить великолепный омлет. Зимой курицу оберегали всем миром, который помещался в тридцати квадратах очень скромной деревенской жилплощади.

Но вариантов больше не было.

Мария взяла топор, вышла на дворик и позвала единственную на её усадьбе кормилицу: цып-цып-цып! Курица — птица доверчивая и глупая, подбежала...

Вскоре тушка домашней птицы была разделана и уложена в эмалированную кастрюлю. Чтобы мясо сохранилось, Мария присыпала тушку листьями крапивы и, обвязав кастрюлю верёвкой, аккуратно опустила её на лёд, на дно колодца, который, к счастью, находился рядом с её домом. Раньше люди не думали о том, что даже в голод кто-то пойдёт на воровство. Другое было время, другое воспитание. Кто-то боялся Божьей кары, но большинство просто считали кражу страшнейшим преступлением. Наоборот, старались как могли друг другу помочь.

Пройдя по деревне, Мария узнала, что такое счастливое совпадение! Служащая сельсовета Евдокия Хорова завтра едет по делам казенным в город Свободный — и заодно заглянет в воинскую часть, где со Степаном проходил службу и её племянник Игнат. Она, Евдокия, согласилась доставить посылочку Степану! Со слезами радости на глазах Мария обошла соседей и, где в долг, где под отработку, достала баночку мёда, десяток куриных яиц и, конечно, в достатке местного махрячку. Ядрёный, задиристый махряк, который дерёт душу до самых пяток, отвлечёт от солдатской тяготы душу солдата после обеда или ужина, в кругу товарищей-односельчан.

Мария нашла в кладовке чистый холщовый мешочек размером с наволочку и начала аккуратно укладывать свёртки с уже красиво поджаренной курицей и всем остальным. Это была радостная и одновременно тяжёлая процедура. Радостная — оттого, что её старшенький сын Степан получит скромную посылочку и с товарищами по службе разделит трапезу, как они с ним делились. А тяжёлая — потому что четыре голодных рта лихорадочно сглатывали слюну, четыре пары голодных глаз не отрываясь смотрели, как их мама дрожащими руками укладывала весь этот деликатес в холщовый мешочек. Они всё понимали. Абсолютно всё — и были даже очень рады, что их мама нашла выход из безвыходного, казалось бы, положения. Они даже старались где словами, где делом помочь ей, подбодрить маму.

Мария, сама того не замечая, оправдывалась перед детьми, она уверяла их, что заработает немного денег и купит другую курицу-несушку, а Степану нужны силы, чтобы бить проклятого фашиста, а для этого нужно хорошо питаться. Дети с пониманием кивали чёрными головёнками.

Поздно ночью Мария из рук в руки передала наполненный нехитрым харчем холщовый мешочек Евдокии Хоровой и попросила отдать Стёпе лично в руки, обнять его и поцеловать от имени мамы Марии и его маленьких братьев.

Утром, чуть свет, Евдокия на двуколке, которой управлял конюх Фёдор Снаткин, умчалась в райцентр. Мария так и не прилегла спать. Она представляла, как обрадуется Стёпа. Она радовалась сама, оттого что как могла выполнила свой материнский долг. Она с нетерпением ждала, когда вернётся из командировки Евдокия, которая может рассказать, как там несёт свою нелёгкую священную службу её Стёпушка. Как сидит на нём военная форма, довольны ли им командиры. Через неделю Мария узнала, что Евдокия вернулась. Узнала от соседки, которая поинтересовалась у неё, как идёт служба у Степана. Оказывается, Евдокия уже почти сутки как находится в деревне. Странно! Как женщина, как мать, она с пониманием должна была бы сразу навестить Марию, поделиться самой дорогой весточкой.

У Марии от волнения подкосились ноги. Собравшись с духом, она похромала, опираясь на сучковатую палку, к дому Евдокии Хоровой. Дверь оказалась изнутри запертой на засов. Марию это не остановило. Она принялась стучать — сначала не очень громко, потом терпение оставило её, она в истерике почти вышибала тесовую дверь веранды. Наконец послышалось недовольное ворчание. Дверь отворила заспанная Евдокия.

— Ну что ломишься, отдыхать не даёшь! С дороги я! — недовольно пробурчала она.

Мария этих слов будто и не слышала. Она заискивающе смотрела на Евдокию. Губы её дрожали. В её глазах застыл вопрос, который ждал

ответа от женщины с заспанным недовольным лицом.

— Дуся, здравствуй! Ну как, видела Стёпу? Передала ему гостинец? Как он там? Как его здоровье?

— Отдала, отдала, всё чин по чину. Скоро на фронт, жив-здоров твой Степан. Низко всем кланяется, — говорила Евдокия. Но сердце женское не обманешь. Мария почувствовала какой-то подвох. То ли глаза Дуси слишком быстро бегали, не глядя прямо в глаза Марии, то ли её поведение было… какое-то не такое… Марии стало плохо, комок подкатил к горлу, стало не хватать воздуха, она начала задыхаться.

— Ты что, Мария?.. Ну-ка, заходи, водички холодной попей, — испугалась Евдокия,

С большим усилием Мария переступила порожек веранды и опустилась прямо на холодный пол. Кружка свежей колодезной воды, как ей показалось, дала ей временное облегчение.

— Прости, Дуся… Сама понимаешь — волнение, — извиняющимся тоном выдавила она, с трудом вставая на ноги. Она сделала пару шагов к выходу и повернула голову, чтобы ещё раз сказать спасибо за доставленное беспокойство. Извиниться за хлопоты, поблагодарить эту хорошую женщину за доброе дело.

И вдруг её взгляд как-то неожиданно задержался на знакомом предмете, который серым комочком выделялся в углу на фоне тёмной веранды.

Она узнала свой холщовый мешочек, в котором передавала гостинец сыну.

— Чуть не забыла, Дуся. Мешочек свой заберу. Тебе он ни к чему, а мне ещё пригодится.

С этими словами она шагнула к углу и взяла в руки мешочек. Она хотела, как обычно, свернуть его рулончиком и, сунув под мышку, уйти домой. Но что-то её насторожило. Внутри мешочка что-то находилось. Страшная догадка резанула без того воспалённый от проблем мозг женщины.

Она быстро вывернула холщовую тару, и содержимое вывалилось на пол. Её догадка подтвердилась.

На полу валялись выпавшие из мешочка слипшиеся, уже приобретшие дурной запах куриные косточки, яичная скорлупа, немного шелухи от тыквенных семечек и немытые пустые баночки, где были мёд и сметана.

У Марии в душе всё перевернулось. Она жёстко, страшно упёрлась взглядом в бегающие глаза Евдокии Хоровой. Евдокия стала бледная и растерянная.

— Дуся, как ты могла так?! — только и вымолвила Мария, с трудом направляясь к выходу…

— Стёпа!!! Мой Стёпа! Сыночек! Стёпушка!

Она облокотилась на плетённую из талы изгородь, завыла белугой на всю деревню. Силы быстро покидали её. К ней спешили люди, но она этого уже не помнила. Единственную радость, которую она хотела подарить сыну, уходящему на фронт, и ту с корнем вырвала эта нехорошая женщина, односельчанка, с которой она бок о бок прожила вместе в одной деревне много лет.

Через четыре месяца почтальон принёс Марии солдатский треугольник. Письмо с фронта с номером полевой почты на лицевой стороне.

«Здравствуй, мама! Здравствуйте, мои дорогие братишки Шура, Тима, Коля и Боря! Из Шимановска нас, уже подготовленных военных специалистов, направили в город Орёл для дальнейшего прохождения службы. В ходе передвижения мы получили первое боевое крещение. Наш состав был подвергнут авиационному налёту фашистами. Было убито 6 человек. 10 человек ранено.

Приеду на передовую, то сразу напишу вам письмо.

Прости, мама, что я погорячился и попросил у вас посылочку. Не подумал о братьях. Ну и хорошо, что не смогла мне её отправить. Лучше лишний кусок пусть малые съедят. Я одет, обут, кормят хорошо. Командир строгий, но справедливый. Ещё раз прости меня, мама! До свидания! Ваш сын и брат Степан».

Когда Мария читала письмо, рыданья душили её. Как жестоко и несправедливо судьба обидела её и детей! Сын, Стёпушка, так и не узнал, что мама Мария собрала всё, что смогла, и отправила ему в воинскую часть! Эта боль до конца жизни точила её сердце. Говорят, что время лечит. Нет, не всегда!

Это было последнее письмо от Степана. Потом, в октябре 1943 года, было ещё одно письмо с фронта — то самое, от старшины роты Фёдора Митрофановича Зотова. Письмо-похоронка.

В селе Богословка рядом с сельским Домом культуры расположены две мемориальные плиты. За этим святым местом ухаживают администрация села и местные жители. На эти гранитные плиты в День Победы обязательно приносят и кладут цветы. Здесь торжественно говорят о тех, кто не вернулся с войны. Здесь снимают головные уборы и, не стесняясь друг друга, вытирают слёзы. На серых бетонных плитах бронзовыми буквами выбиты фамилии и имена павших в боях за свободу нашей Родины.

Там есть и строка «Саужин Степан Николаевич (1923–1943 гг.)». Это мой родной дядя по отцовской линии.

Вечная им слава! Вечная память!